

Е.Н. Лиманова

ТВОРЧЕСТВО КАК ПРАКТИКА ВЫХОДА ЗА ГРАНИЦЫ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация: *В настоящем сочинении автор исследует творчество как предельную форму деятельности. В процессе исследования рассмотрены две формы восприятия – пространственная и временная и их отношения к границам и выходу за границы. Показано, что творчество есть взаимодействие с потоком времени, показана необходимость его опоры на память, рассмотрено понятие «промысел» и представление о благословении, как о гарантии пользы созданного продукта. Для иллюстрации использованы работы цикла «Женщины завета».*

Ключевые слова: *творчество, пространство, время, деятельность, память, новое, сверхтворчество, трансцендентное*

Любой человек рано или поздно задаёт себе вопрос о том, чем же именно он занимается. И если это творчество, то что же такое творчество. В основном, под творчеством я понимаю любую намеренную попытку изменять внешнюю среду, внося в неё новые смыслы. Но более узко эти смыслы могут оставаться в форме идей. А также в процессе обдумывания работы «Женщины завета» я обнаружила, что случаются ещё формы, которые можно назвать «сверхтворчеством», когда результат внесённых смыслов меняет радикально окружающий мир.

Цикл был задуман как исследование и иллюстрация историй нескольких библейских женщин. На тот момент я пыталась рассмотреть миф как предписание для поведения. Более конкретно меня интересовали предписания для женщин, поэтому я решила держаться строго в гендерных рамках. У моей работы было несколько внутренних схем, которые заставили её расширить. Мне пришлось включить ещё и исторические фигуры. На мой взгляд, их истории соответствовали историям первой части цикла. Тем более что истории конкретных личностей нередко героизируются

и мифологизируются и могут быть рассмотрены в одном ряду с мифологическими.

Я подобрала ряд примеров, где общим в историях является обращение женщин за границы известной им реальности в надежде повлиять на происходящее. Этот вызов вначале мне казался предпосылкой любого творчества, а позднее я обнаружила, что рассматриваемые мною случаи скорее относятся к сверхтворчеству: попытке изменить весь мир сразу, в его основах. Общим для моих героинь являлось то, что им были необходимы радикальные перемены в их мире, и они ощущали внутреннюю возможность обратиться с запросом на такие перемены. В результате взаимодействие с трансцендентным происходило на высоких уровнях. А вот обращение за границы известного мира происходит в любом акте творчества. Само по себе подобное обращение за границы в поиске нового и в надежде изменить мир вокруг себя вполне обычно. Необычными в моих примерах являлась лишь глубина и сила запроса, а также произошедшие изменения. Иногда для того, чтобы увидеть какие-то привычные и простые вещи стоит обратиться к пограничным, уникальным, из ряда вон выходящим случаям.

Мы легко оперируем понятиями «придумать» и «изобрести», вкладывая в них смысл отыскания новых возможностей в окружающем нас мире и создания его новых качеств. Мы немало сил прилагаем к хранению в общей памяти фактов появления созданных человеком вещей. Нам важно передавать знание о том, что чего-то искусственного, например, мобильной связи раньше не существовало. Мы придирчиво отделяем естественное от искусственного. И хотя память о создании чего-то всё же слабеет, но не исчезает совсем. Например, сегодня многим кажется, что пшеница, из которой делается хлеб, естественна, но она тоже произведение искусства. Но даже то, что мы повседневно и точно помним, напоминает нам о нашей возможности изобрести и придумать.

То, что придумывается и изобретается, заведомо не существует на данный момент или существует 1) вне границ нашего пространства, либо 2) в будущем. Прежде, чем появиться в границах нашего пространства, нечто появляется в наших мыслях. Некоторое время нечеткое и не до конца осознанное стремление, ещё не замысел, а промысел, уточняясь и собираясь становится замыслом, планом и намерением, а потом мы приступаем к его реализации. Можно вслед за Платоном предположить, что реализуемое уже существовало вне границ нашего пространства в мире идей, который охва-

тывает все временные состояния, и тогда подобный промысел есть всего лишь попытка отыскать в этом мире нужное нам. Но чаще мы присваиваем себе и превращение промысла в замысел, и реализацию замысла, перенося таким образом интересующее нас событие в будущее, которое для нас ещё не существует, и предполагая, что нечто может возникнуть из ничего.

Почему же Платону необходимо было вводить в представления ещё один мир, содержащий всё и всегда? Чтобы понять это, я предлагаю ввести различие в представлениях о границах пространства и времени и хочу показать, что эти представления требуют от нас двух различных состояний сознания.

1. Разное представление о реальности при переключении с пространственного восприятия на восприятие времени

Вряд ли найдется человек, рискующий утверждать, что с ним не происходит никогда никаких изменений. Следовательно, мы считаем хотя бы часть реальности изменяемой. Однако далее мы можем представлять себе весь остальной мир как нечто однажды заданное, вечное и неизменное, где только части меняют свое расположение. Предположим, что мы не станем так считать, а напротив, решим, что и всё Бытие подобно нам находится в вечном течении, становлении и изменении, что нет ничего вообще неизменного, вечного и заданного. В этом случае мы попытаемся наблюдать время так же, как перед этим выстраивали понятие о пространстве. Первую точку зрения, где неизменность мира есть основа для его существования, можно назвать пространственной, а вторую – временной. Для тех, кто придерживается первой точки зрения, знанием будет отыскание повторяющихся закономерностей и соотношений, выстраивание, а точнее узнавание порядка. Для вторых – знанием будет отыскание новых возможностей для дальнейшего движения, оперирование хаосом. Как и положено времени, в таком состоянии можно пренебречь прошлым, главное – иметь направленность. Во времени нет памяти, потому что память есть фиксация, следовательно, понятий «прошлое и будущее» тоже нет, они будут частью предыдущей точки зрения, а именно пространственным подходом к представлению о времени. В потоке изменений то, куда мы направляемся, и есть будущее. Само собой, что в чистоте не существует ни одна из этих точек зрения, поскольку каждый из нас имеет представление как о времени, так и о пространстве и вполне способен оказываться в обоих состояниях. Никто не станет

отказываться ни от памяти, ни от нового. Как неизменность для нас равноценна гибели, так и беспамятство. Поэтому неминуемо взаимодействие этих двух состояний. Пространственность дает нам опору, протяженность времени, способность оценки происходящего и возможность выстроить порядок. Память выстраивается в пространстве. Однако без второго состояния, без ощущения потока изменений, без согласия с непрерывным появлением нового, мы потеряем свойства живого. Из-за постоянного переключения внутри любого сознания с одного способа восприятия на другой, может показаться, что различием двух точек зрения можно пренебречь, однако мы никогда не можем находиться сразу в двух состояниях одновременно: наблюдать пространство и действовать во времени. Что-то одно неподвижность или движение нам приходится брать в качестве состояния. Для Платона ценность стабильности и порядка, с таким трудом выстроенного греческой мыслью и такого хрупкого на тот момент, неизмеримо выше любого хаоса, иррациональности и изменений, которые, увы, происходят и сами собой, и для греческой мысли никакому влиянию человека не подвержены. Платон обозначает основным свойством человека его несовершенство и подчиненность внешней силе. Подобная позиция отказа от воли и желаний, от возможности создавать новое, обозначение созерцания и пассивного восприятия как самой важной деятельности для человека дает нам все, что выше я перечисляла как пользы пространственного наблюдения и к чистой пространственной точке зрения наиболее близко. Люди, принимающие подобную оценку двух состояний, оказываются хранителями памяти, традиций и порядка, но необходимо, чтобы в обществе кто-то занимал и другую, компенсирующую позицию. На мой взгляд, это – люди действия, более узко – люди труда, ещё уже – люди творчества. Действие и устремленность в будущее, поиск новых и уникальных смыслов – вот ценности, к которым устремлен творческий процесс. При этом творчество есть область деятельности, где продукт тем ценнее, чем выше уровень интроспекции в нем. Как любая пограничная деятельность творчество заставляет ценить свою противоположность: накопленные традиции, память и порядки.

2. Трансцендентное как место для возможности

Если разговор о трансцендентном начинается среди придерживающихся пространственной точки зрения, то он быстро становится просто умозрительным упражнением, поскольку, чем дальше

относим мы границы протяжённости, тем недостижимее для нас трансцендентное и тем скорее им можно пренебречь и никак с ним не взаимодействовать. Более важным окажется устройство того, что уже обнаружено в реальности.

Для второй точки зрения нечто трансцендентное, имеющее все качества существующего, необходимо, чтобы возможность осуществлялась. Так как граница будущего лежит прямо в следующем мгновении за «сейчас», то непрерывное обращение за пределы нашего мира есть фундаментальное свойство нашего существования. При этом границу как таковую мы не в силах ничем зафиксировать. Точка в пространстве, где нахожусь «я», стабильна по умолчанию. Пространство всегда нас окружает, но мы можем легко представить себя в любой другой точке из тех, что видим. Точка во времени для нахождения «я» возможна только если рассматривать её по аналогии с пространством, если же мы движемся во времени, пытаясь его наблюдать, то никакой точки для «я» нам не отыскать. Для потока времени есть стук сердца, ритм дыхания, соотношения этих и других ритмов, возникающие и исчезающие события, но нет никаких фиксированных точек, ничего из пространства. Мы можем вспомнить, например «здесь стоял дом когда-то», но дома нет в реальности, есть только память с неподвижной картинкой. Мы можем заставить эту картинку двигаться дискретно за счет быстрой смены разных неподвижных картинок – и это все, что может наша память, и мы знаем, что это не реальное время. Мы планируем создать, выдумать, обнаружить, открыть – всё это о том, чего пока ещё нет. Мы уточняем свою необходимость, детализируем и развиваем свой замысел, и совершаем работу, которая уже до начала воплощения требует затрат энергии. Мы рисуем в сознании такие же картинки, как уже хранятся в памяти, но внеся в них нужные нам изменения. Обращаясь в ближнее будущее мыслью, мы видим ничто впереди как материал для наших усилий. Какова природа этого ничто? То ли это «ничто», которое противоположно «существует»? Может ли вообще быть найден подобный ответ без прерывания нашего проживания, без остановки сердца и дыхания?

Если мы полностью уйдем в состояние проживания, то тоже обесценим трансцендентное, поскольку без обращения на прошлое, неподвижное, уже навсегда случившееся, мы не в состоянии оценить свое влияние на события, а следовательно, прилагать эти усилия разумно, повторять удачный результат, придумывать нужные варианты будущего. Только сочетание двух взглядов и тактик

дает нам представление не просто о возможном, но о возможном, имеющим внутри себя закономерности. При этом сама по себе погруженность во время, в поток непрерывных изменений никаких возможностей для умозрительных упражнений не дает, и нам приходится рассматривать время с пространственной точки зрения, располагая будущее впереди нас, а прошлое позади нас. Следовательно, чем больше мы обращены в будущее: творим, создаем, действуем, тем меньше мы размышляем, оцениваем и запоминаем. Чем больше мы изучаем, оцениваем, запоминаем, тем меньше мы действуем и меняем мир. И конечно же, никто не может быть только действующим или только запоминающим человеком.

3. Обращение (промысел) в трансцендентное

Итак, мы действуем, погруженные в поток времени, привычными способами повторяем действия, которые уже до нас совершали другие люди, ожидая уже случавшегося результата, или вслепую экспериментируем, надеясь на неожиданность. Начиная действовать, мы всегда ожидаем, что что-то может пойти не так, что наши действия приведут к непредвиденному результату, и мы готовы встроить его в память и систему оценок. И в дополнение ко всему мы имеем стратегию, где пытаемся получить нужное нам событие вообще без опоры на предыдущий опыт, обращая требование или просьбу непосредственно за границу, в трансцендентное. При этом, что удивительно, достаточно часто результат получается. Ничто отдает нам что-то невиданное ранее, достаточно точно откликаясь на нашу потребность.

Все представления о магии базируются на этом явлении отклика. На нем же базируется и религия. Мы можем вслед за атеистами отказаться от удивления этим явлением, но отсутствие в нас чувства благодарности и удивления никак не отменит самого факта точности ответа извне и его необъяснимости.

Если бы возникающее новое всегда было исключительно случайным, то в мире возникало бы столько же новых отрицательных явлений и вызовов, сколько и полезных для нас, и ни о каком творчестве не было бы и речи. Мы бы только оценивали, отбирали и фиксировали то в возникающем, что нам показалось бы полезным. И в таком случае не прилагали бы усилий придумывая и планируя. Однако мы планируем свои действия, и отправляем запрос в несуществующее с надеждой, обоснованной хотя бы большей частотой удачных результатов.

Тут придется заметить, что всё же полной гарантии получения желаемого нового у нас никогда нет. И конечно же, нам бы хотелось больших возможностей для того, чтобы результаты наших усилий были полезными для нас.

4. Благословение как один из откликов из трансцендентного

В библейском тексте есть понятие «благословение», которое можно было бы перевести как удачу, если бы в нем не было явного оттенка обращения к началу личностному, выбирающему, оценивающему и дающему согласие либо отказ. В получившемся результате, исходя из библейского текста, вообще нет слепой случайности, а есть только выбор из-за границ нашего мира. Те силы, которым полностью подчинен человек у Платона, так же и в Библии влияют на людей. Подобный взгляд мы найдем во всех религиях, а у атеистов мы встретим его как диктат раз и навсегда заданных законов природы. Это, впрочем, не мешает атеистам надеяться на получение каких-то новых небывалых возможностей за счет их смиренного признания, что законы природы неисповедимы. Так же атеисты утверждают, что диалог с законами природы невозможен, а религиозные люди на диалог рассчитывают.

Кто прав? То, кто пытается договориться с будущим или тот, кто действует, о трансцендентном не задумываясь? Бессмысленно бесконечно гадать, работают ли такие договоры, иллюзия ли это, попытка выдать желаемое за действительное, или базовое свойство мира. Важно, что подобные практики существовали и существуют до сих пор. А способы действий для потока времени не менее важны, чем описание статичного мира для пространственных представлений.

Вот тут я снова возвращусь к моим героиням. Все они сталкиваются с социальными порядками, которые кажутся им несовершенными. Прямое творчество ни для одной из них невозможно. Они не имеют возможности устанавливать законы или применять грубую силу к согражданам. Все, что они могут, это представлять себе желаемый результат без опоры на имеющуюся реальность и обращать свою просьбу куда-то за границы реальности. Повторюсь, мне видится в этом не просто творчество, а сверхтворчество. Своего рода квинтэссенция творческой способности человека и мира.

В первой части цикла, основанной на Книге Бытия, Книге Юдифи и Книге Судей, показана развитая практика обращения к

трансцендентному. У моих библейских героинь: Ревекки, Рахили, Фамари, Юдифи и Деборы, есть четкое представление о правилах и технологиях подобного обращения. Они не сомневаются в том, что договор возможен. Они уверенно манипулируют с благословениями и пророчествами разного рода. Ревекка рискует социальным положением, а Фамарь и жизнью ради получения благословения. Менее материальной вещи, чем благословение трудно себе представить. Однако ей придается обеими женщинами сверхценное содержание. Они как будто действуют во имя чистого будущего без всякого подтверждения пользы в будущем ближнем. Более развернутое представление о ценности благословения дает нам речь Юдифи о поддержке Богом человека. Эта замечательная речь составляет целую отдельную книгу Библии. Немного особняком стоит история судьи Деборы. Ей обращение к Богу с целью получения гарантий удачных действий вменяется просто в обязанность. При этом, несмотря на видимую удачность её обращения, сама история требует от нас сложных моральных оценок и показывает опасность злоупотребления подобными вещами. Избыточные гарантии слишком жестко меняют мир, нарушают в нем что-то важное, что-то, что мы не в силах оценить сразу.

При этом опасность нуминозных переживаний несколько не останавливает ни одну из перечисленных женщин от действий, которые они считают правильными в силу воспитания и которые должны привести к успеху, хотя рациональных связей между их действиями и результатом отыскать невозможно. Во второй части цикла таких технологий уже нет. Для меня история Деборы заканчивает жесткие практики договоров с будущим. От неё и далее будущему дают больше свободы. Следующий ряд женщин у меня выстраивается уже в историческом времени. Однако отклик на обращение всё ещё далеко превосходит границы обыденности. И если в первой части цикла меняется близкий мир женщины во взаимодействии с силами неведомого, то во второй части изменения происходят во всем обществе, при этом они чрезвычайные, глубокие и радикальные. Первой работой второй части является Благовещение. Потребность социальных изменений в порабощенной Иудее понятна, и теологами подчеркивается важность соответствия человека полученной вести, а сама весть является откликом на множество запросов. Само собой, что подобного соответствия мог достичь только человек, знавший о запросах и внутренне воспроизводивший его в наибольшей чистоте.

Следующая работа — проповедь Магдалины перед Тиберием, посвящена тому, как продолжается распространение изменений. Как любое радикальное изменение, оно требует достаточного времени, чтобы распространиться и достаточно людей, чтобы его манифестировать. Пример Магдалины — рассказ о встрече нового и консервативного, о том, что мнимая сила консервативного не существует, если что-то действительно новое возникло. Однако в любом процессе возникают искажения. Следующая работа — «Сны об империи добра». На ней свв. Елена и Ольга. Две женщины, мечтавшие о том, чтобы сами империи приняли новую, более пристойную форму. Не их приказами, но их мечтами, христианизруется Рим и Русь. Что несёт миру смесь аппарата насилия — империи, — и вставшей против него новой общественной формы возможно будет выяснить только гораздо позднее. Один из нежелательных близких результатов — волна насилия в первые века христианства. И следующая работа посвящена уже противодействию новому в пользу памяти.

«Истина восторжествует». Вот как выглядит отклик в случае с Гипатией Александрийской. Века христианства, века забвения множества имен не стёрли из памяти людей её имя и её решение выступить в защиту учения Платона. В общей памяти, во имя которой трудилась и она, и Платон, нашлось ей вполне достойное место.

Последняя героиня цикла Хадиджа бинт Хувайлид, также находится у вершин власти. Но ей нужно не преобразование, а создание империи, ей нужен союз бесконечно воюющих кланов Аравийского полуострова. Она резонно считает, что для такого союза необходима совершенно новая религиозная идея и совершенно новая религиозная фигура. И так же как и в предыдущих случаях, она не выступает творцом религии, новая религия просто случается с её частью света.

Само по себе обнаружение вопрошающих внутри больших исторических явлений было для меня важным вызовом, требовавшим фиксации найденного с помощью образов внутри одного цикла. Форма обращения за пределы в первой части цикла соответствует форме обращения во второй части. Однако в первой части цикла вопрошание представляется рациональным и объяснимым. Отчасти у этого вопрошания есть даже оттенок требовательности. Во второй части все события чудесны или не случаются в задуманном виде.

Е.Н. Лиманова. Творчество как практика выхода за границы реальности

Как эпиграф всему циклу я написала «Еву в райском саду». Эта работа пытается передать полностью погруженное во время существование, когда нет никакой потребности в памяти, поиске дополнительных возможностей и планировании изменений, а есть спокойное проживание происходящего.

Приложение:

Сведения об авторе: Лиманова Елена Николаевна, художник